

ПРОКЛ ДИАДОХ

О ПРОВИДЕНИИ,
СУДЬБЕ И О ТОМ,
ЧТО ЗАВИСИТ ОТ НАС

Прокл Диадок

**О провидении, судьбе и
о том, что зависит от нас**

«Автор»

2026

Диадок П.

О провидении, судьбе и о том, что зависит от нас / П. Диадок — «Автор», 2026

Трактат Прокла Диадокха «О провидении, судьбе и о том, что зависит от нас» — одно из ключевых сочинений позднего неоплатонизма, посвящённое вечной проблеме соотношения божественного порядка и человеческой свободы. Написанный как ответ инженеру Феодору, отстаивавшему идеи детерминизма, текст доступно разбирает вопросы судьбы, природы души и границ самоопределения. Прокл показывает, что провидение и свобода воли не исключают друг друга. Русский перевод подготовлен на основе латинского текста издания В. Кузена (1820) и адаптирован для широкого круга читателей: сложные конструкции смягчены, терминология упрощена без потери смысла, а ключевое понятие *Providentia* передано как взаимозаменяемые «Провидение» и «Промысел» в духе русской философской традиции. Книга будет полезна всем, кто интересуется античной мыслью и классическими основаниями этики.

© Диадок П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Введение	6
1. Три предварительных различия	7
Различие между промыслом и судьбой	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Прокл Диадокх О провидении, судьбе и о том, что зависит от нас

Предисловие

Перевод трактата Прокла Диадокха «О провидении, судьбе и о том, что зависит от нас» публикуется с целью сделать доступным для русскоязычного читателя одно из ключевых сочинений позднего неоплатонизма.

Настоящий трактат написан в форме ответа на письмо инженера Феодора, считавшего, что все события, включая человеческие поступки и решения, предопределены предшествующими причинами и законами природы или божественным замыслом. Прокл не разделяет позицию Феодора, считая многие его аргументы наивными, однако признаёт вопросы свободы и необходимости слишком значимыми, чтобы оставить их без внимания. Формально адресованный Феодору, текст рассчитан на широкую аудиторию: в нём Прокл доступным языком излагает свою концепцию провидения и судьбы, природу души и ступени познания, уделяя центральное место возможности и границам человеческой свободы.

Текст перевода подготовлен на основе издания Виктора Кузена, вышедшего в 1820 году. При подготовке перевода перед редактором стояла задача адаптировать язык текста для широкого круга читателей. С этой целью излишне архаичные и схоластические конструкции были смягчены, сложные неоплатонические термины заменены на более понятные аналоги там, где это не нарушало смысловую целостность. В частности, ключевой для трактата латинский термин *Providentia* передаётся на русском языке как «Провидение», однако в ряде мест использован его традиционный синоним «Промысел». Оба понятия в рамках данного издания выступают как взаимозаменяемые, что соответствует как латинской исходной форме, так и русской философско-богословской традиции, где «Промысел» часто служит более органичным эквивалентом божественного попечения о мире.

Введение

1. Я полагаю, дорогой Феодор, что замыслы твоей души уже созрели и вполне достойны человека, стремящегося к созерцанию сущего. Я с радостью принял то, что ты счёл нужным обратиться и к нам с просьбой написать об этих вопросах, — притом что у вас немало людей, способных исследовать подобные проблемы и вместе с тобой размышлять над ними. Нам же, как представляется, следует изложить наши соображения о том, что ты прислал, — всё, что мы считаем согласным и с самими вещами, и с мнениями славнейших философов прошлого. Было бы неправильно оставить без внимания вопросы мужа, поистине превосходного в механике и давно нам знакомого, — как я полагаю, и как ты сам написал. Ты спрашиваешь о вещах, которые обсуждались уже тысячи раз и, по моему убеждению, никогда не перестанут обсуждаться, — ведь душа вновь и вновь обращается к тому, что составляет её собственное дело. Уже было дано множество разъяснений — и от тех, кто следует Плотину, и от последователей Ямвлиха, — многое было тщательно разработано, а ещё раньше описано божественным Платоном, и, если позволительно так сказать, ещё прежде него возведено богословами, говорившими в исступлении, — но только Платон один раскрыл всё это с помощью доказательств. Впрочем, зачем мне приводить тебе Платона и мудрецов, постигших божественное? Ведь и самим Богам, мудро знающим собственную природу, ясно, что именно и каким образом они породили после себя, — причём ясно отчётливо, а не в загадках, как у богословов.

2. Стало быть, и нам, следуя за ними, надлежит, как я уже сказал, разъяснить тебе то, о чём ты спрашиваешь. Тебя можно понять и простить: наблюдая за всевозможными трагическими, комическими и прочими сплетениями человеческих дел, ты решил, что за всем этим стоит один-единственный устроитель и творец подобных связей во вселенной, и назвал его Судьбой. Точнее говоря, ты принял за Судьбу саму эту цепь событий — непрерывное сцепление причин и вытекающее из них порождение, — и решил, что некая неизбежная необходимость единолично направляет всё это действие, и воспел её как Провидение, единственно свободное и властвующее надо всем. А пресловутую свободу воли человеческой души ты счёл пустым словом, полагая, что на деле она ничего не значит, раз душа встроена в мировой порядок, подчинена действиям других сил и пребывает в нём как часть мирового устройства. Точнее говоря — если воспользоваться твоими собственными словами — ты представляешь творца чем-то вроде механика, который является неодолимой причиной, приводящей в движение всё, что этот мир содержит в себе. При этом вся вселенная — словно единый механизм: сферы целиком вложены друг в друга наподобие барабанов, соразмерно связанных между собой, а то, что приводится ими в движение, — это частные вещи: живые существа, души и всё прочее, — и всё это зависит от единого движущего начала. Возможно, ты из почтения к собственному ремеслу и пришёл к такому взгляду: будто творец вселенной — своего рода Механик, а ты — подражатель наилучшей из причин.

1. Три предварительных различия

3. Впрочем, всё это мы написали, смешивая серьёзность с шуткой. Теперь обратимся к самому существу дела и скажем вот что: прежде всего тебе необходимо уяснить различие трёх вещей, если ты хочешь подступиться к порогу искомых ответов.

Первое из них таково: Провидение и Судьба различаются не так, как ты написал, — не в том смысле, что одно есть связная последовательность событий, а другое — необходимость, служащая её причиной. На самом деле оба они суть Причины мира и всего, что в мире совершается, восходят и к Провидению, и к Судьбе, однако Провидение предшествует Судьбе, и всё, что происходит по Судьбе, гораздо раньше совершается Провидением, но обратное уже неверно: ведь совокупность всего, управляемого Провидением, божественнее Судьбы.

Второе различие состоит в том, что одна душа отделима от тела и нисходит в этот смертный мир свыше, от богов, а другая пребывает в телах и неотделима от своих носителей. Вторая зависит от Судьбы, первая же — от Провидения, в соответствии со своей собственной сущностью.

Третье различие: одно знание и одна истина присущи душам, погружённым в становление, — даже если они ведут безупречную жизнь; другое же знание принадлежит душам, бежавшим из этого мира и утвердившимся там, откуда некогда произошло их падение и нисхождение в этот смертный мир.

Итак, если ты достаточно уяснишь эти три различия, о которых мы сказали, тебе станет очевидно решение всех вопросов, которые ты задавал. Ведь если Провидение отличается от Судьбы указанным образом, станет ясно, каким образом многое ускользает от Судьбы, тогда как от Провидения — ничто. И каким образом Провидение, управляя Судьбой свыше, — то, что оно само породило, — ограничило её власть лишь тем, что приводится в движение чем-то иным, то есть свело её либо к тому, что получило свою первичную основу в вещах, движимых извне. Когда же будет показано, что душа бывает двоякой — одна отделима от тел, а другая выросла в тела, — тебе станет ясно, какая из них обладает свободой выбора и тем, что «зависит от нас», а какая служит необходимости и ведётся Судьбой. Станет понятно и где происходит их переплетение: из-за него одна душа притупляет свою свободу, склоняясь к худшей жизни, а другая причастна некоему отблеску выбора благодаря большей близости к самой душе как таковой. Когда же перед тобой предстанет двоякая природа знания, станет очевидно, каким образом и Платон, и Сократ, а вместе с ними и великий Парменид утверждают, что душа, будучи сущим, познаёт истину — очищенная от материальной тьмы и от страстей, которые навлекли на неё тело и смешение с ним. И тем более чистым и подлинным знанием она наделена, когда пребывает вне тел, вне становления и горькой материи.

4. Итак, эти три проблемы необходимы и хорошо разработаны древними. Первую из них Ямвлих тщательно исследовал в своих сочинениях о Провидении и Судьбе, подойдя к ней с тысячи сторон. Вторую — все почитатели Платона, Третью раскрывали во многих местах Плотин, а во многих также и Порфирий, различая созерцание и созерцательную добродетель. Платон же обращается ко всем, кто способен следовать за мыслью.

Различие между промыслом и судьбой

Итак, нам необходимо начать с самого первого начала и найти различие между Промыслом и Судьбой. Обо всяком исследовании Платон говорит: «Друг мой, необходимо знать одно начало того, о чём ведётся рассуждение, — иначе неизбежно ошибёшься во всём».

Нужно также, как учит божественный Аристотель, после вопроса «существует ли это?» последовательно спрашивать «что это такое?». Если бы ты спрашивал, существует ли Промысл или нет, и то же самое о Судьбе, — тогда следовало бы сначала показать тебе, что и то и другое существует, и если бы ты в этом сомневался, я не стал бы торопиться доказывать тебе, что они есть. Но поскольку ты сам признаёшь, что оба они существуют, и именно из-за их могущества объясняешь всё происходящее, — я полагаю, что остаётся сказать тебе о том, что есть каждое из них. Ведь из этого станет ясно, чем они различаются. А когда это будет понято, многие из твоих затруднений разрешатся сами собой, как мы уже говорили.

Далее: для нахождения того, что есть нечто по своей сути, полезен, как говорят, метод разделения — именно поэтому Сократ в «Филебе» восхвалил его как дар богов людям. Но полезно также обращаться к основоположениям рассуждения и к тому, что мы называем общими понятиями, из которых, как писал Аристотель, можно вывести многое из доказуемого. Поэтому, пользуясь этими средствами, мы и попытаемся разъяснить Промысл и Судьбу. Что же мы имеем в виду? С одной стороны, мы опираемся на общие понятия об этих вещах, с другой — на чёткое разделение уровней бытия. Именно через такое разделение, как мне представляется, мы единственным образом сможем обнаружить, что относится к Судьбе, а что — к Промыслу. Если эти вещи будут правильно поняты, они прольют ясный свет на исследуемые вопросы и, возможно, дадут удовлетворительный ответ тем, кто ставит перед нами затруднения по этому поводу.

5. Итак, выскажем общие понятия об этих вещах — понятия, которые бесспорны для всех. Промысл есть причина благ для тех, о ком он заботится. Судьба тоже есть причина, но причина определённой связи и последовательности в том, что происходит. Что именно такие неопровержимые понятия об этом есть у всех людей, мы покажем так: тех, кто хорошо заботится о других, мы называем попечителями; и о всяком, кто что-либо устроил, мы говорим, что он «предусмотрел» благо для тех, кому это пошло на пользу. И наоборот — то, что развивается через множество переплетённых между собой и неведомых нам причин, мы называем не иначе как Судьбой. Наша жизнь полна этих слов, и сами названия свидетельствуют о стоящих за ними понятиях. Ведь греческое слово «проноия», то есть Промысл, указывает на действие, предшествующее мышлению, — действие, которое мы целиком приписываем только благу. Ведь только оно божественнее ума, поскольку и сам ум, столь превозносимый, стремится к благу — вместе со всем остальным и прежде всего остального.

Судьба же, связывающая всё рождённое, указывает на то, что она обладает именно такого рода связью. Это разъясняют нам мудрецы, сведущие в божественном, — они говорят о неких «прядильщиках», то есть о распределённых связующих силах, и о поворотных моментах частей, посредством которых, как мне представляется, они тоже хотят обозначить связь судеб. Ведь само понятие Судьбы подразумевает единую причину связанного, возвышенную над ним.

И ещё вот что важно: то, о чём проявляется забота, — это не само дарование; то, что связывается, — это не сама Судьба; и происходящая в этом связь — это не связующее начало, а именно то, что связывает. Ты можешь убедиться в этом из того, что все мы представляем себе Промысл и Судьбу как некую деятельную силу. Но повсюду деятельные причины отличны от своих результатов, и здесь всегда есть три различных момента: действующее, то что возникает, и само действие.

Точно так же и в нашем случае: промышляющее, то о чём промышляют, и действие промышляющего в отношении того, о чём проявлена забота. И далее: связующее, то что связывается, и действие связующего в отношении связанного.

И очевидно, что в каждой из этих двух троиц действующее не таково, каков результат. Напротив: если результат многообразен, то действующее должно быть простым; если результат причастен благу, то действующее начало должно быть причастным ему в ещё большей степени. Ведь повсюду действующее начало получает свою долю от более божественного.

6. Поэтому, называя Провидение причиной благ, мы скажем, что оно есть источник благ и не нуждается в чём-то ином, что делало бы его благим. А полагая Судьбу причиной связи вещей, мы скажем, что она сама уже не связывается чем-то другим. Итак, установив такие общие понятия о том и другом, далее следует рассмотреть, чему именно каждое из них покровительствует. Начнём с Судьбы.

Из наших общих понятий мы знаем, что Судьба есть причина связанного. Но что именно она связывает? Рассмотрим это. Среди сущего одни вещи имеют бытие в вечности, другие — во времени. Под «бытием в вечности» я имею в виду то, чья деятельность вечна наравне с сущностью. Под «бытием во времени» — то, чья сущность не пребывает неизменной, а постоянно становится, пусть даже это становление длится бесконечно. Есть и нечто среднее между ними: то, что обладает устойчивой сущностью, превосходящей становление, но деятельность которого всегда находится в процессе осуществления — причём одна её часть измеряется вечностью, а другая — временем. Ведь необходимо, чтобы всякий переход от первых начал к последним ступеням бытия совершался через промежуточные звенья. Если существуют вечные сущности, то между двумя крайностями — полностью вечным и полностью временным — с необходимостью должна быть промежуточная область. Эта середина может быть устроена двояко: либо сущность вечна, а деятельность нуждается во времени, либо наоборот. Но второй вариант невозможен — иначе мы незаметно для себя поставим деятельность выше сущности. Значит, остаётся признать, что промежуточное звено обладает вечной сущностью, но временной деятельностью.

Итак, перед нами три порядка сущего: интеллектуальный, душевный и телесный. Интеллектуальный — тот, что вечен и в своём бытии, и в своём мышлении. Телесный — тот, что всегда становится, будь то в бесконечном времени или в ограниченном его отрезке. Душевный же вечен по своей сущности, но в своих действиях подчинён времени.

Где же тогда следует поместить то, что связано друг с другом? Обрати внимание: когда боги говорят о «связывании» (εἵρεσθαι), они имеют в виду не что иное, как соединение вещей, которые во времени становятся то одним, то другим, — их взаимную сцепленность и неразрывность. А если вещи существуют в одно и то же время, но разделены в пространстве, они всё равно обладают определённой взаимной соотносённостью. Таким образом, связь устанавливается либо по месту, либо разделённые по времени вещи через сцепление (εἰρμός) каким-то образом сводятся воедино, в единое сопереживание. И в целом то, что связывается, не может претерпевать это само по себе, но нуждается в чём-то другом, что обеспечивает ему эту связь.

Итак, если подчинённое Судьбе — это всё то, что связано между собой (согласно нашему общему представлению о Судьбе), а то, что связывается, является делимым, разделённым по месту или по времени, и по природе своей нуждается в чём-то ином для связывания (согласно общепринятому пониманию связи), — то всё это является движимым извне и телесным. Ведь то, что за пределами тел, — оно выше и места, и времени; а если и действует во времени, то от места, по-видимому, свободно.

7. Отсюда ясно: то, что управляется и связывается Судьбой, — это движимое извне и всецело телесное. Если же это доказано, то очевидно, что, полагая Судьбу причиной связи, мы представляем её как управительницу движимого извне и телесного.

Приняв это, мы спросим себя: что называется причиной тел — причиной ближайшей, — и от чего движимое извне получает движение, одушевление и удержание в бытии — и всё, что только возможно? Обращая же взгляд к самим себе, давайте для начала рассмотрим наши тела: что именно их движет, питает, постоянно обновляет и поддерживает в целости? Не то ли это, что называется растительной силой — та самая сила, которая точно так же действует и в других живых существах, и даже в растениях, укоренённых в земле? У неё двойное действие: с одной стороны, она обновляет то, что в телах угасает, не давая им окончательно распасться; с другой — удерживает каждое существо в его естественном состоянии. Ведь восполнять утраченное и сохранять силу того, что уже содержится в теле, — это не одно и то же.

Если не только в нас и в других животных и растениях, но и во всём мироздании — причём задолго до появления отдельных тел — существует единая Природа мира, которая удерживает тела в их бытии и приводит их в движение, точно так же как растительная сила действует в нас; и если мы называем все тела порождениями Природы, — тогда необходимо признать, что именно Природа является причиной всех связей и сцеплений в мире, и именно в ней следует искать то, что зовётся Судьбой. Вероятно, поэтому и гениальный Аристотель имел обыкновение называть необычные, выходящие за рамки привычного времени случаи роста или рождения проявлениями против Судьбы. А божественный Платон говорит что мир в целом, рассматриваемый сам по себе, без умопостигаемых Богов, как нечто телесное, «вращает судьбу и врождённое вожделение». И вместе с этим боги, дающие прорицания, говорят: «Не взирай на природу, имя ее — судьба», подтверждая тем самым наши рассуждения.

Итак, мы выяснили, что такое судьба и каким образом она по своей природе является некой бестелесной сущностью этого мира. Ведь она — управительница тел и жизнь; она — сущность, поскольку движет тела изнутри, а не извне, приводя всё в движение сообразно времени и связывая воедино движения всего, что разделено временем и пространством. Благодаря ей смертное согласуется с вечным: вечное совершает свои круговороты, а смертное взаимно соперничает друг другу.

Ведь и та природа, что действует в нас, связывает и соединяет все части нашего тела, а также их взаимные воздействия друг на друга. И она тоже есть своего рода судьба нашего тела. Как в нашем теле одни части являются главными, а другие — второстепенными, и вторые следуют за первыми, точно так же обстоит дело и во вселенной в целом: возникновение менее значимого следует за движениями более значимого — например, рождение всего подлунного следует за круговоротами небесных тел. И круговорот здешнего мира есть образ круговорота мира вышнего. Всё это было хорошо известно всем древним мыслителям, и я не хочу затягивать изложение.

8. Итак, тебе нетрудно увидеть, что мы называем Промыслом: если ты определишь источник всех благ, то поймёшь и то, откуда берёт начало попечение о мире, направляющее всё сущее к вечному. Прежде всего правильно укажешь на саму божественную причину. Ведь откуда ещё могут прийти блага ко всему сущему, как не от Бога? Поэтому, как говорит Платон, причиной благ следует считать никого иного, кроме Бога.

Далее: Промысл стоит над всем — и над умопостигаемым, и над чувственным — и потому превосходит Судьбу. То, что находится под властью Судьбы, пребывает вместе с тем и под властью Промысла: от Судьбы оно получает связность, а от Промысла — благо. Так что и связность имеет своей целью благо, и Промысл содержит Судьбу в себе самом. Однако то, что находится под властью Промысла, не всегда нуждается ещё и в Судьбе: умопостигаемое от неё свободно. Судьба же целиком пребывает в области телесного, поскольку связность предполагает и время, и телесное движение.

Именно на это, как мне кажется, указывал и Платон, когда говорил, что устройство мира представляет собой смешение ума и необходимости, где ум причастен необходимости тел. Движущую причину он называл необходимостью — ту самую, которую в других местах именовал

судьбой, — приписывая телам способность принуждать то, что ими приводится в движение. И это справедливо. Ведь всякое тело по необходимости делает то, что делает, и претерпевает то, что претерпевает: нагревает или нагревается, охлаждает или охлаждается. Выбора же в телах нет, поскольку телам свойственна именно необходимость — действие без выбора, и ничего лучшего в них не найти. Ведь то, что движется по кругу, будучи подвижным по природе, с необходимостью движется именно так — подобно тому, как огонь устремляется к окружности, а земля — к центру. Итак, необходимость Платон поставил во главе порождения тел, а значит, и их разрушения. Ум же он возвысил, определив, что ум должен главенствовать над необходимостью. Если, стало быть, Промысл стоит даже выше ума, то очевидно: он властвует и над умом, и над всем, что подчинено этой необходимости. А сама необходимость властвует лишь над тем, что ей подчинено. Поэтому всё, что существует на уровне ума, пребывает исключительно под властью Промысла, а всё телесное — под властью необходимости.

9. Итак, представь себе два рода сущего: умопостигаемое и чувственно воспринимаемое. И два царства над ними: Промысл царит наверху — над умопостигаемым и чувственным, а Судьба — внизу, только над чувственным. Промысл отличается от Судьбы так же, как Бог отличается от того, что божественно лишь по причастности, а не изначально. Ведь и в других случаях, как ты видишь, одно дело в том, что одно является чем-то первично, а другое — через причастность. Причастность же подобна свету от солнца: то, что разлито в воздухе, тоже свет, но солнце светит первично, а воздух светится благодаря ему. Так и жизнь первично пребывает в душе, а во вторую очередь — в теле, благодаря душе. Точно так же Промысл — это сам Бог по своей сути, а Судьба — нечто божественное, но не Бог: она зависит от Промысла и является как бы его отражением. Ведь как Промысл относится к умопостигаемому бытию, так Судьба относится к чувственному. Промысл царит над умопостигаемым, Судьба — над чувственным. И, как говорят геометры, можно переставить соотношение: как Промысл относится к Судьбе, так умопостигаемое относится к чувственному. Но умопостигаемое — это бытие в первичном смысле, а всё остальное зависит от него. Значит, и Промысл есть то, что он есть, в первичном смысле, а порядок Судьбы зависит от него. Но об этом достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.